

ный интерес, который монополизировал интересы групп, частных лиц и т.д. Идея первичности государственного блага, в какие бы романтические формы она не облекалась, не могла исполнять роль универсального двигателя развития общества, государственная инициатива не подменяла инициативу частную. Гипертрофия государственного интереса, в силу существующих прямых и обратных связей в культуре, способствовала консервации примитивных потребительских форм утилитаризма. Понимание ущербности однобокой интерпретации национального интереса только лишь как интереса государства в российской интеллектуальной мысли рождается достаточно давно (Посошков, Радищев), однако, отказываясь от этатистских трактовок национального интереса, в качестве альтернативы интеллектуальная элита выдвигала популистские. Абсолютизация интереса государства сменялась абсолютизацией интереса народа, тогда как сам принцип иерархии интересов оставался неизменным. Партиципация к принципу народной пользы выливалась в идеализацию всего строя народной жизни, ее архаических и примитивно-утилитарных форм. Усилиями российских интеллектуалов присущее народной традиционной культуре табуирование достигательного индивидуализма, инновационного предпринимательства обрело мировоззренческий статус, превратилось в атрибут национальной идеи. Односторонность интерпретации утилитарного принципа пользы, не утратила своей актуальности в ментальности современных россиян, которыми руководит идея партиципации к идеалам личной пользы и соответственно, отчуждение от идеалов

пользы общественной, государственной. Неспособность к освоению утилитарных смыслов бытия во всей их полноте и разнообразии, неспособность сделать эти смыслы частью своей культуры, оборачивалась неспособностью к развитию, самоорганизации, самосовершенствованию.

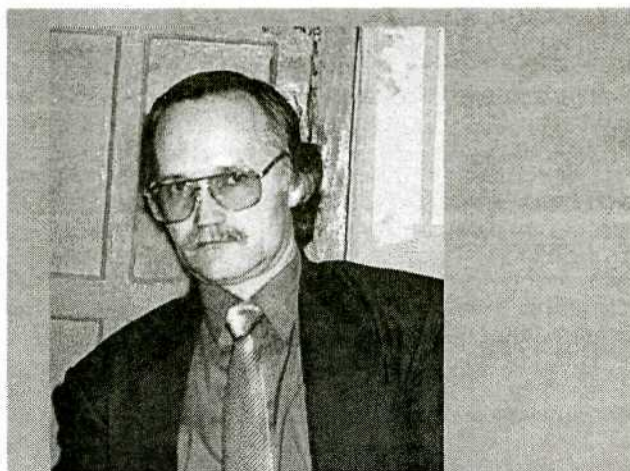
Суммируя сказанное, можно констатировать, что идея антиутилитарности русской культуры способствовала заикливанию российского общества на примитивных потребительских формах утилитаризма, которое, в конечном итоге, выступало одной из причин инверсионно-циклической динамики российской цивилизации. Освобождение от власти, сложившихся в русской культуре контрпродуктивных культурных стереотипов, преодоление манихейских форм оценки утилитарных смыслов бытия; их вытеснение идеями гармонии ценностей повседневности и высокой духовности, можно рассматривать как одну из важнейших задач развития современной России, следовательно, как стратегию истинно национальную.

1. Струве П. Б. В чем же истинный национализм?//Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 13.
2. См.: Янов А.Л. Россия против России Очерки истории русского национализма 1825-1921. Новосибирск, 1999. С.9.
3. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. С. 12.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (18-начало 20 вв.) Генезис личности, демократической семьи и правового государства. В 2 тт. СПб, 1999. Т.1. С.336.
5. См. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. С.467 — 490.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990. С.234-235.

РУССКИЙ МАРКСИЗМ И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

В.М. Русаков

Статья подготовлена
при поддержке МО РФ
грант № ГО2-1.1.-247

Русаков Василий Матвеевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральской государственной сельскохозяйственной академии

Одно упоминание толерантности в связи с русским марксизмом способно поставить любого в тупик: слишком сильно окреп стереотип, согласно которому русский социализм — это революционные демократы («пламенный Виссарион», «нигилист» Писарев) и большевики (а это, прежде всего, — непримиримый В. Ленин и созданная им «партия нового типа»). Однако суть дела, как всегда, несколько тоньше: в русском марксизме, как известно, было не только радикальное — революционно-демократическое и большевистское крыло. Не менее сильным (а в определенный период — господствующим!) было либеральное направление, так называемый — «легальный марксизм», в последующем, после возникновения большевистского, коммунистического движения, — достаточно влиятельным было социал-демократическое движение (русский «меньшевизм»).

Однако уже вскоре после широкого распространения марксизма в России в нем происходит решительный раскол еще, казалось, совсем недавних единомышленников! И одна из линий раскола прошла как раз в вопросе о толерантности (терпимости, снисходительности к противоположным

воззрениям): либеральное направление решительно отстаивало толерантность как свою главную заслугу и добродетель, главный метод общественно-политического самоопределения, революционная социал-демократия (большевики) провозгласила принцип непримиримости партийных позиций.

Одним из ярких представителей либерального направления в марксизме в свое время был П. Б. Струве, который всегда подчеркивал либерализм и терпимость, как главные принципы своего мировоззрения. Но при всех и непререкаемых ссылаках на эти принципы мы видим, что с толерантностью, терпимостью к чужим взглядам, дело и у него обстоит не так просто! Вот он рассказывает, что граф П. Гейден, известный либерал, член первой Государственной Думы, президент Императорского Вольного экономического общества, говоря о собственных принципах, писал: «Теперь нет гражданских убеждений, а везде пошел хам. И хамы ведут, не ведая того, Россию к погибели. Не может человек зависимый иметь честные и смелые убеждения. Не может кастрированное общество полезно работать. Но пока свободу смешивают с революцией, ничего путного не выйдет» (Товарищ, №296, 19.06). Петр Струве подчеркивал, что «У графа Гейдена был действительно во всем его существе тот стиль свободы и независимости, который делал непереносимым для него всякий рабий образ и всякое хамство. Его одинаково отгалкивали и холопство толпы и хамство революционно-интеллигентское, и хамство помещичье, бюрократическое. Сторонник честно компромисса на правовой почве, он всей душой отвергал то государственное молчаливое, с помощью которого вчерашние самодержавники так удобно примиряют конституцию с абсолютизмом» (П. Струве. *Patriotica*. М. 1997. С.37). Как видим, здесь тоже проблема толерантности: толерантный либерал интолерантен помещичью, революционному и бюрократическому хамству! А вот характеристика, данная тем же Струве представителю другого лагеря — известного градоначальника Д. Трепова: «(он)...был просто неглупым, хотя малообразованным гвардейским офицером... Но он не был, по-видимому, все-таки настоящим полицейским, он, конечно, достаточно неразборчиво пускал в ход различные полицейские средства, когда это казалось ему нужным (это говорится вслед за упоминанием о том, что Трепов — автор знаменитого лозунга — «патронов не жалеть!», сказанного 9 января 1905г. — В.Р.), но самодовлеюще целью «полиция» для него не была. Для того, чтобы быть настоящим полицейским, он, думается мне, был слишком искренен и слишком бескорыстен в своем монархизме и в своей преданности монарху» (Там же). Толерантен ли был «свободный и независимый» граф Гейден, который, хотя и не переносил ни «левого», ни «правого» хамства, но, по крайней мере, за оружие «неразборчиво» не хватался. А вот как быть с толерантностью в отношении «малообразованных» и «неглупых», но «искренних и бескорыстных» офицеров, особенно если они — то ли по глупости, то ли по искренности, — пускают различные полицейские средства против безоружной толпы?

Уже подобный нехитрый экскурс в реальную историю и политику показывает, что с простыми декларациями о «плюрализме» и «толерантности»,

как абсолютных ценностях, дело обстоит не так просто, как казалось (в том числе и их adeptам). На чем основаны убеждения сторонников этих принципов?

Струве попытался выяснить первоосновы такого плюрализма. В этом ему помог Ж. Валь своей книгой о философии плюрализма в Англии и Америке. Он считает, что плюрализм «есть философия, которая особенно настаивает на многообразии начал, в противоположность монизму, и на подвижности вещей, в противоположность «монизму». Плюрализм есть теория о раздельных сущностях» (Там же. С. 446). Струве показались интересными в нем две стороны, которые, с его точки зрения, «движут мысль вперед». Это 1) отношение плюрализма к проблеме номинализма и реализма и 2) его отношение к проблеме свободы (творения), или новизны. Эти отношения он характеризует так. Мир, оказывается, состоит из «универсальных» и «партикулярных» сущностей. При этом, универсалии всегда ему «подозрительны!» Но, в сущности, все может быть и так, и так — плюрализм!. Второй аспект разрешается столь же просто: речь идет не о новизне, а об индетерминизме, в том смысле, что новое (творение, творчество) подразумевает нечто принципиально небывшее (якобы) и потому Струве полагает, что есть два способа познания: один — всецелое и последовательное (!) сведение, редукция нового к бывшему, другой — в допущении принципиальной новизны и несводимости небывшего к чему-либо бывшему до сих пор. Струве признает, что трудности такого мирозерцания «чрезвычайно велики». Однако, кроме иронии по поводу позитивистической науки, оперирующей причинностью, — он ничего предложить не может. Плюрализм объявляется и более ярким, гибким, и более близким к живой жизни, чем монизм. Заявляя, что сам Струве был впоследствии убежден, что традиция, историческая преемственность, органическое произрастание нового из старого есть необходимое условие подлинной свободы и что, напротив, всякий самочинный «революционаризм», всякая насильственная и радикальная ломка общественного порядка... ведет только к деспотизму и рабству. Конечно, ни о какой релятивности здесь не может быть и речи!

Самого Струве его биограф С. Франк характеризовал следующим образом: его внимание к конкретной жизни и признание ее положительной ценности исключали для него возможность быть партийным человеком, быть плененным какой-либо партийной узостью, односторонностью и пристрастностью. Его любимым лозунгом было: «надо рассуждать по существу». «Рассуждать по существу» значило для него: оценивать явления жизни и ценность отдельных людей по их собственному внутреннему содержанию, по их объективной ценности, независимо от того, имеем ли мы дело с политическим другом или врагом и умещаются ли такие объективные оценки в схему нашего политического мирозерцания, наших «общих принципов». Его суждения о личном составе русской бюрократии..., всегда были индивидуальны: он отчетливо различал в ней между людьми одаренными и бездарными, просвещенными и грубыми, добросовестными и недобросовестными. И такое же различие между людьми он делал позднее в оценке своих политических противников

слева. ... питая жгучую личную ненависть к Ленину как натуре злобной и жестокой, он с почти благоговейным уважением отзывался о личности социал-демократки Веры Засулич... Обычное, обывательское представление сводится к тому, что он радикально изменил идеалам своей юности и из одного лагеря перешел в противоположный. Часто приходилось слышать, что он был крайним левым марксистом-революционером, другом Ленина, а кончил едва ли не крайним правым. Струве следовало бы назвать «либералом».

Примечательно, как Франк подает практику немецкой социал-демократии, которой на раннем этапе Струве симпатизировал: «Собственно социалистический идеал фигурировал, как известно, только в ее «программе-максимум», т.е. как конечная цель, осуществление которой преподносилось в некоем туманно-отдаленном будущем, фактически он оставался ни к чему не обязывавшей романтической мечтой, а для более пронизительных вождей — просто пустой фразой» (Там же). То ли политкорректно и толерантно, то ли — цинично!

Вывод Франка о том, что Струве никогда не менял своего общественного и духовного идеала «в свете сказанного» намекает, скорее, на то, что никакого идеала у него и не было: была «перемена фронта» (как сказал Франк! — В.Р.), такая же, какую делает, якобы, во время войны *всякий боец!* (Курсив наш — В.Р.) — в зависимости от того, с какой стороны нападает на него враг (Там же, с. 487). Это замечательное разоблачение своего героя, которому сказано множество лестных слов. Собственно, далее Франк и выговаривает это: «Даже доминирующие в его общественно-политическом мирозерцании начала свободы и культуры не были для него «идеалами», были не высшей, самодовлеющей целью и ценностью, а лишь необходимыми средствами к ней». Но еще более примечательным является завершение: «То, чему было подлинно посвящено его служение, было не каким-то отвлеченным началом, а живой реальностью: это была родина и ее благо». «Благо родины», разумеется, с точки зрения Струве и Франка, не есть «отвлеченное начало»!

Русский марксизм в конце XIX-начале XX вв. решал проблемы и определял свои позиции, в том числе и в плане толерантности. Некоторые уроки теоретических споров и реализации практических решений сегодня не просто любопытны для нас: современному обществу вновь приходится давать ответ на острейшие вопросы, поднимавшиеся, в сущности, сто лет назад!

Ленин многообразно возвращался к мысли основоположников марксизма, тщательно вскрывая самые различные нюансы социального неравенства (неравенства не природного, несправедливого). Что же касается собственно толерантности, то он замечает: «...в силу нашего научного, материалистического мировоззрения, чуждого всяких предрассудков..., мы, социал-демократы, относимся отрицательно к христианскому учению. Но, заявляя это, я считаю своим долгом сейчас же, прямо и открыто сказать, что социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путем насилия или обмана» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 142.). Однако известно, что верования и убеждения являются не только лично-ре-

лигиозными, нравственными, но и политическими, социальными и экономическими, т.е. имеют прямое отношение к сфере публичной политики. Ленин признает, что «демократия никогда не может стоять на той точке зрения, что духовенству не следует участвовать в политической жизни. Это — точка зрения архиреакционная. Приводит она только к казенному лицемерию и ни к чему больше. В жизни абсолютно невозможно, неосуществимы никакие меры, отстраняющие от политики и классовой борьбы ту или иную группу или часть населения» (Там же). Он упирает на то, чтобы, в частности, духовенство, церковь были лишены исходной — государственной, властной поддержки и преимуществ. Тогда он считает возможным на равных полемизировать с ними и уверен в своем мировоззренческом превосходстве. Но по этому поводу он замечает: «Капиталисты ... называют «свободой печати» такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты. На самом деле, это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией... Вы увидите сразу, что по числу выпускаемых экземпляров громадное преобладание имеют буржуазные газеты. (...) На чем основано это преобладание? Вовсе не на воле большинства, ибо выборы показывают, что в обеих столицах большинство (и гигантское) на стороне демократии, т.е. эсеров, меньшевиков и большевиков... Потому что издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей. «Свобода печати» буржуазного общества состоит в свободе богатых систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту» (Там же). Ленин озабочен справедливым решением проблемы существующего неравенства, при котором свободы политические не узаконивают и прикрывают его, а преодолевают: «Государственная власть, в виде Советов, берет все типографии и всю бумагу и распределяет ее справедливо» (Там же. С. 66). Мы знаем уже, чем на деле обернулась эта справедливость — бюрократическая машина «новой власти», в интересах подавления сопротивления своих политических противников вначале закрыла все неудобные издания «контрреволюционного» толка, а потом и вообще всякие сколько-нибудь оппозиционные режиму: нечего «развращать» народ! Ленин формулирует: свобода и равенство, если они противоречат освобождению труда от гнета капитала — есть обман, поскольку остается незывлемой частная собственность на средства производства, на деньги, на капитал. Никакого такого равенства, помимо уничтожения классов, нет, и кто толкует об этом — либо лжет, либо не понимает существа дела. Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Но, получается, пока не уничтожены классы (а это явно не скоро!), до тех пор не может быть никакого равенства? Нет, говорит он, может, но только формальное.

Вот почему русская марксистская мысль сталкивалась с вопросом о **границах толерантности**. Каждый раз толерантность выступала, скорее, неким императивом, нежели определенной результативной практикой, поскольку, становясь абсолютным

и безусловным требованием, — она вырождается в нечто весьма малопочтенное: конформизм, беспринципность, приспосабливаемость, с одной стороны, и лицемерное и циничное надругательство над правами человека — с другой. В нынешних условиях адепты постмодернизма отстаивают идею о том, что, в сущности, нет таких принципов, за которые человеку стоило бы отдать жизнь. Поэтому проповедь всеобщей толерантности и политкорректности якобы становится правилом хорошего поведения в приличном обществе. Однако, развитие событий в мире (пресловутое «после 11 сентября!»), похоже, способно существенно поколебать эти устои. Что снова возвращает нас к вопросу об отношении к таким явлениям, как расизм, фашизм, терроризм, религиозный фундаментализм. Насколько толерантными должны мы быть в отношении этих явлений? Что означает терпеть социальное и национальное неравенство и угнетение и каковы пределы такого терпения?

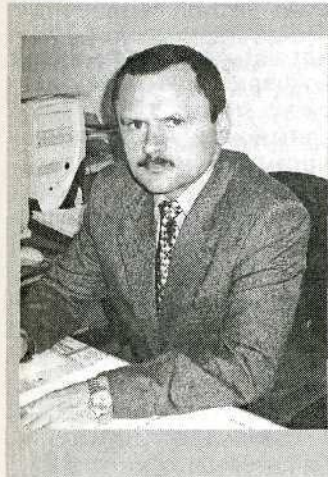
Здесь начинался, по мнению марксизма, тот водораздел, за которым никакой компромисс был невозможен, — если обнаруживались интересы эксплуататорских классов (их защита или хотя бы нейтральное к ним отношение). Ленин повторял: «марксизм несовместим ни с каким обоснованием угнетения или социального неравенства». Здесь марксизм требовал проявления максимальной жесткости. Сегодня стало немодным говорить об эксплуатации и неравенстве (значительное число авторов с наивностью первооткрывателей ринулись доказывать несостоятельность подобных идей). Однако развитие событий очень скоро обнаруживает ребяческий характер подобных надежд: возможно, социализм и марксизм не дали «единственно верной и научной» теории социального неравенства и его крайнего выражения — эксплу-

атации, но от этого суть явления нисколько не померкла и оно никуда не исчезло. Разве сегодня не происходит социально-несправедливого перераспределения богатств (например, природных, интеллектуальных) между так называемым «золотым миллиардом» и остальным миром?

Здесь возникал еще один аспект марксистского понимания толерантности — разделение человека, личности и ее взглядов. Более того, еще Маркс говорил о «масках», которые получают в системе социальных отношений люди: капиталиста, рантье, феодала, наемного работника и т.п. Поэтому, с точки зрения марксизма — социальные функции (роли, идеи, политические позиции и т.п.) одно, а индивидуально-личностные качества — другое. И одно — другое не заменяет и не упраздняет. Капиталист, эксплуататор может быть в личной жизни примерным семьянином, чутким и заботливым человеком, — не в том суть его социальной маски. Человеческие качества, в свою очередь, не могут сделать более приемлемыми социально-политические позиции данной личности. Эта проблема и по сию пору остается весьма острой: ссылки на человеческие добродетели террористов и фашистских диктаторов довольно распространены в апологетической литературе (ибо это есть одна из разновидностей риторического доказательства). В своей собственной практике радикальный российский социализм выявил весь спектр этих отношений: от личной ненависти, выразившейся в уничтожении несогласных (Нечаев), до сравнительно толерантного отношения к бывшим политическим противникам (до известного периода бывшие меньшевики и эсеры вполне мирно работали в советских учреждениях). Сам Ленин, как показывает его биография, достаточно сильно колебался в этих же крайностях.

В.В. Уфимцев

ПРОЯВЛЕНИЕ «ТОЛЕРАНТНОСТИ» ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Уфимцев
Виктор
Владимирович —
доктор
социологических наук,
проректор
Уральского института
коммерции и права
по научной работе,
профессор кафедры
политологии
и социологии ИППК
при УрГУ
им. А.М. Горького

Данный выпуск альманаха выходит в год десятилетия сентябрьско-октябрьских событий 1993 года. На фоне этого печального юбилея хотелось бы вспомнить проявления «толерантности» в деятельности политических властей в пореформенной России в период 90-х годов. И ответить на вопрос: что привело к развитию таких событий, когда последнее слово остается за пушками танковых расчетов? Этим трагическим дням предшествовала целая цепь и других событий, которые в данном контексте интересно рассмотреть хронологически.

Итак; *середина 80-х годов*, — широко разрекламированная перестройка во главе с политическим лидером М. Горбачевым («лучшим немцем года»), но, в конечном итоге, им самим же и «заболтанная».

1989 г. — I съезд народных депутатов СССР и